Ирина ЛАЧИНА: «Мне скучен средний уровень...»

Ирина Лачина сыграла свою первую роль в кино в 17 лет, едва окончив школу. Режиссер Всеволод Шиловский снял ее в главной роли певицы Рейзл в картине «Блуждающие звезды». На втором курсе, ее, студентку театрального училища имени Щукина, Галина Волчек пригласила в спектакль «Анфиса» по Л.Андрееву. Сейчас играет в «Русской антрепризе» Михаила Козакова, в спектакле, тоже антрепризном, «Французская мелодия». После работы в Польше получила Гран-при за лучшую роль в польском фильме «У Бога за пазухой». Сейчас занята на съемках в Венгрии.

– Ирина, в последнее время на афишах к вашей фамилии добавили вторую, звучит она «Лачина-Тома», что сразу позволяет понять, что вы — дочь известной актрисы Светланы Тома. Отчего же прежде вы утаивали этот факт вашей биографии?

– Я думаю, все началось в детстве, в юности, от присущего этому возрасту максимализма. Как правило, меня представляли чужим: «А вот Ирочка Тома...» На что я отвечала: «Какая я Тома? Я — Ира Лачина, у меня своя фамилия». Позже хотелось добавить: «У меня своя судьба».

– Что, однако, не мешало и не мешает вашей тесной дружбе с мамой?

– Конечно! Но я считала: мама — отдельно, я — отдельно, и не надо нас смешивать. Шло время. Я поняла, что бороться с этим бесполезно, тем более, все знали, чья я дочь. Не так давно в разговоре с руководителем одной антрепризы мы чудно все обсудили, и я наивно полагала, что он принимает меня исключительно как молодую актрису Ирину Лачину. Но, прощаясь, он улыбнулся и сказал: «Передайте привет маме...» Однажды люди, занимавшиеся нашим с мамой общим спектаклем, попросили: «Понимаете, вы играете со Светланой Андреевной коммерческий спектакль. Нам хотелось бы написать в афише: «Ирина Лачина-Тома». И я согласилась, осознавая всю неизбежность моих попыток убежать от роли дочери известной актрисы. Стала относиться к этому как к данности. Тем более, у меня ведь действительно складывается своя дорога.

– И все же начало ей было положено в материнском доме. В частности, задолго до того, как Шиловский пригласил вас сниматься в его картине.

– В общем, я, конечно, театрально-киношный ребенок. Мама, будучи беременной мной, играла на сцене до восьми месяцев, пока во время одного детского спектакля какой-то приметливый мальчишка не крикнул на весь зал о маминой героине: «А девочка- то беременная...» Так что я еще в материнской утробе жила на сцене. Если верно суждение, что ребенок еще в этом состоянии воспринимает эмоциональную жизнь матери, то ко мне все это впрямую относится. Начиная с того времени, когда актер выходит на работу, то бишь на сцену. Потом с двух месяцев мама брала меня на съемки, и кашку нередко варили в степи, на костре.

– Вы видите в этом некую предопределенность вашего профессионального выбора?

– Только в какой-то мере... Я не сразу после школы пошла в театральный институт. Год проработала, решая, куда идти учиться. Даже получила профессию монтажера на киностудии «Молдова-фильм».

– И все же Всеволод Николаевич Шиловский «открыл» вас, придя в гости к Светлане Андреевне и случайно увидев, совсем не предполагая, что вы окажетесь героиней его картины? Впрочем, по словам Немировича-Данченко, случайность — тоже одно из непременных условий в удачной карьере артиста.

– Все было тогда так внезапно для меня! Шиловский пришел к маме, я убегала к подругам, и видел-то он меня несколько минут. А через какое-то время вызвал на примерку костюма на Одесскую киностудию. Но речь тогда шла о роли юродивой. Мерили-мерили какие-то тряпки, и вдруг: «Ирка, давай в порядке эксперимента попробуем тебя на главную роль...»

– До этого вы читали роман «Блуждающие звезды»?

– Да, я прочла, рыдала в финале, когда герои навсегда расстаются. Но представить себе, что я буду играть Рейзл! На пробе я играла, с одной стороны, абсолютно не веря, что мне дадут такую роль, с другой — на разрыв аорты. Вернулась домой с надеждой, что за мной останется...роль юродивой. Прошел еще месяц, я готовилась к экзаменам в училище имени Щукина. И тут позвонил нам Всеволод Николаевич с известием, что я утверждена на главную роль. Первое мое чувство — безумная радость. Второе — Господи, какая на меня ложится ответственность! У меня вообще эта черта характера гипертрофированна, по-моему. Причем, с молодых лет, может быть, потому, что мама часто оставляла меня одну, зная, что я со всем справлюсь.

«Блуждающие звезды»

Шиловский очень помогал мне, он прекрасно понимал, что я ничего не умею. Чистый лист, на котором он писал мою роль...

– Может быть, вам в чем-то помогало ваше детство и отрочество, прожитые у бабушки и дедушки в маленьком городке Бельцы, который, наверное, похож на местечко, описанное Шолом-Алейхемом в романе «Блуждающие звезды»?

– Да. Мы тоже жили на натурных съемках в маленьком местечке под Винницей, на Украине, похожем на наши Бельцы. Все знают друг друга, здороваются, расспрашивают про жизнь. Живут люди в сочувствии другим, помогают. Моя героиня выросла в такой атмосфере... Но это относится к первой части ее жизни. Диапазон роли очень большой: от девочки из еврейского местечка до певицы с мировым именем, пережившей трагическую любовь.

– На мой взгляд, успех картины был во многом связан с Вашим участием в ней, с таким искренним, страстным существованием на экране. Каково было после этого снова садиться за студенческую скамью?

– Нормально, у меня совершенно не было ощущения некого невероятного взлета. К тому же я поступала в училище параллельно со съемками. Летала на отборочные туры, потом на экзамены. Возвращалась, долго добиралась на машине от Винницы на съемки.

– Жили, вероятно, в огромном напряжении?

– А мне это нравилось. Я азартно жила. Думаю: вот это настоящая актерская жизнь! Чувствовала себя взрослой, самостоятельной. Мне нравились перелеты, переезды, поездки по пыльным деревенским дорогам, гостиницы со скрипучими фанерными стенами... Нравилось работать до изнеможения. Зато, когда меня приняли в училище, я что-то уже реально знала о нашем деле. Плюс опыт жизни рядом с мамой, среди ее коллег. Хорошо, что я уже в ту пору понимала, что Фортуна может тебе однажды улыбнуться, ты как бы воспаришь, а потом можешь так же легко очутиться на земле, никому не нужной. Сколько было и есть прекрасных актрис, которые сначала вспыхивали всеми цветами радуги, а потом угасали навсегда.

– То есть с молодых лет не было никаких иллюзий по поводу вашей профессии и ее виражей? Вы были настолько трезвы уже в ранней юности?

– По натуре я — человек, который просчитывает ситуации; вместе с тем я очень эмоциональна. Все вместе уживается. Я вполне реально отношусь к себе так строго, как никто другой, что бы мне ни говорили...

– Неужели никогда не кружилась от похвал голова?

– Нет.

– В таком случае вам должна быть близка мысль о том, что во всех своих неудачах человек обязан прежде всего винить самого себя.

– Абсолютно в этом убеждена.

– Хотя далеко не всегда так легко реализовать эту позицию?

– Я стараюсь. По-моему, актерская профессия не терпит, когда ты начинаешь думать: «Этот плохо написал мою роль...», «Этот не смог хорошо срежиссировать...», «Этот плохо меня снял...» И только я — такая замечательная, такая гениальная... Это гибель. Да ты сумей еще понравиться, убедить в своих актерских возможностях хорошего сценариста, хорошего режиссера, чтобы они захотели с тобой работать, заслужи это.

– В данном случае проблема, на мой взгляд, выходит за рамки профессиональные, потому что начало всему — в общей трезвой самооценке, способности устоять перед искушением искать причину собственных поражений вне собственных же поступков: а нужна ли сегодня такая героиня нашей сцене, кинематографу? Или та, которая живет попроще, полегче?

– Очень нужна! Вот бы мне такую роль! Мысль о жесткой собственной ответственности сегодня насущна.

– Вам помогает удержаться в профессии, не сдаваться стремление судить за все в первую очередь саму себя?

– Иначе у меня бы ничего не вышло. Кроме нытья. Ситуация в кино и театре сегодня довольно тяжелая, все это знают. Особенно трудно молодым актерам. Надо все время как-то серьезно заявлять о себе, ни в чем не делая скидки, доказывать право на профессию.

В училище нас хорошо подготовили, мы прошли прекрасную школу актерского мастерства, за что я бесконечно благодарна моим педагогам. И все же, когда начинаешь работать самостоятельно, становится ясно: не хватает определенных технических навыков. Кроме того, нужен постоянный тренинг, чтобы по-настоящему владеть своим телом, это тот же инструмент для актера. Мне импонирует, как относятся к этой проблеме потенциальные голливудские звезды в ожидании своего часа. Они все время тренируются, занимаются своей формой, постоянно находятся в боевой готовности: предложат роль — они с ходу могут начать работать...

Светлана, Ирина, Маша

Мы не всегда учитываем этот момент. Сейчас я сама много занимаюсь техническим тренингом, движением, вокалом. Записываю песни в студии, хотя отношусь к этому только как к эксперименту, который позже может принести плоды.

Есть еще один аспект в подобном образе жизни. Если все время сидеть у телефона и ждать, когда тебе позвонят и позовут играть, можно незаметно для себя застыть, попасть в энергетическую воронку, куда будут уходить твои силы, ожидания, надежды. Воронка затягивает, не дает пульсировать живой жизни, замораживает чувства. Актер должен все время что-то давать, даже если в данный момент он не работает над ролью, а просто занимается тренингом.

Пусть у меня не было в последнее время роли, о которой я сказала бы себе: умру, но сыграю. Буду биться за нее до последнего, отдам ради нее все силы... Такого, увы, не было. Иногда мне предлагали то, что я никогда не стану играть. Если предлагали нечто более приемлемое, я соглашалась. Надо же что-то делать, надо жить, зарабатывать деньги. Но радости от роли в истинном понимании — нет, не было!

– Вы можете отказаться от роли, состоя в Агентстве, где вашими делами занимается ваш представитель, во многом определяющий судьбу артиста?

– Могу, хотя, естественно, отказы не всегда приветствуются агентами. Агентство существует так, что для него важна максимальная занятость артистов, состоящих у него на учете. Но я категорически не могу играть, допустим, роль русской проститутки в турецком фильме, как бы это ни было материально выгодно.

– Однако наличие огромного отряда наших соотечественниц, занимающихся в той же Турции панельным промыслом, — факт, к сожалению, безусловный. Что вас так смущало?

– Не хотелось еще раз подчеркивать ту меру унижения, в которой мы сейчас существуем. Меру нашей зависимости. Несчастные русские девушки едут за рубеж на заработки, устав дома от нищеты и безнадежности. И вряд ли турецкий фильм сможет раскрыть ту бездну, в которую они несутся.

Я — патриотка, пусть это звучит немодно, несовременно. В первый раз я ощутила это, когда снималась в картине «Французский вальс». Общалась со своим партнером, молодым французом, и он все время говорил мне: «Как вы здесь живете? Это сплошной кошмар...». Я дала ему отповедь, хотя прекрасно понимаю, что живем мы действительно плохо. Но я верю, что надо пережить и такой этап, чтобы от всего освободиться. Верю, что все впереди и все у нас будет прекрасно. Да, сегодня в России все вкривь и вкось, но это моя страна. Я отсюда никуда не уеду, какой бы кривой и косой она ни была.

– Вас приглашают сниматься и зарубежные студии, была интересная работа в польском фильме «У Бога за пазухой». Как все началось?

– Поляки выбрали меня, но я улетела в Польшу, не зная, на какую роль. В сценарии были две героини, главная и второго плана, на которую я и рассчитывала. Пробовали меня на обе роли и через месяц сообщили, что я утверждена на главную. Как было и с моей первой ролью!

Прилетев в Польшу, попала с бала на корабль. Немедленно отвезли в деревеньку, где шли натурные съемки. Грим — и на площадку... А роль на польском языке!

– Вы знали польский язык?

– Да нет, хотя во мне есть польская кровь со стороны отца. К счастью, в группе нашелся человек, учившийся во ВГИКе. Он занимался со мной 4 дня, я как-то овладела речью, могла играть, тем более, что моя героиня — русская, и я имела право на некоторые неправильности в языке. Потом пришлось барахтаться самой. Но пошла определенная внутренняя перестройка, я привыкла к чужой речи, старалась понять ее, чтобы не чувствовать себя вроде глухонемой в окружении людей. Через какое-то время произошло нечто вроде прорыва, я ощутила свободу в общении.

Наша картина имела в Польше большой успех, вышла на первое место во

(Окончание на с.11)

Ирина ЛАЧИНА: «Мне скучен средний уровень...»

(Окончание. Начало на с.10)

время проката. Потом ее выдвинули на Национальный фестиваль в Гдыне — это что-то, напоминающее «Кинотавр». Там я получила Гран-при за лучшую роль, опять-таки совершенно неожиданно. За год до этого актерский приз в Гдыне был отдан немецкому артисту, и следующую премию уж непременно должен был получить кто-то из поляков. А дали русской актрисе. Когда я стояла на сцене после вручения приза, сумела даже произнести ответную речь на польском. Было много добрых статей, интервью, меня сравнивали с незабвенной Одри Хепберн.

– Повлияло ли это на вашу судьбу на родине?

– Никоим образом, все осталось на той же ступени, как будто не было признания за рубежом.

– Вы много участвуете в антрепризных спектаклях. Играете в «Русской антрепризе» Михаила Козакова, в спектакле «Французская любовь», объехав с ним почти всю Россию. Там ваша главная партнерша — мама, Светлана Тома. Как вам играется с ней рядом?

– Репетировала я сложно. Мне кажется, прежде всего потому, что очень переживала за маму. Больше, чем за себя. Для нее это было возвращением на сцену после многолетнего перерыва, она практически не работала в театре после моего рождения. Надо было заново привыкать к иной специфике жизни в роли. Мне так хотелось, чтобы у нее все получилось! Чтобы коллеги приняли ее работу, потому что суд коллег — самый суровый. В итоге, думаю, все сложилось и получилось. Зрители встречают Светлану Андреевну восторженно... Потом, когда во время репетиций прошел этот, так сказать, момент родственных волнений, я поняла, что на сцене абсолютно абстрагируюсь от наших обычных с мамой взаимоотношений. Я погружаюсь в жизнь моего персонажа, Вирджинии, я уже не мамина Ирочка, а человек иного характера, живущий в другой стране и в совершенно других обстоятельствах.

– Вы окончили училище Щукина, вы — вахтанговка, стало быть, а говорите сейчас все по школе Станиславского.

– Дело не в школе, а в моей убежденности, что актер должен жить в роли на экране, на сцене, забывая о себе. Помнится, во время съемок в Польше у меня появилось ощущение какой-то приблизительности в игре, что сделать проще и легче. Я мгновенно остановила себя: это искушение, от которого надо бегом бежать... Конечно, многое зависит от драматургии: Гольдони, например, — это театр представления.

– Недавно на экране появилась еще одна представительница династии Лачиных-Тома — Маша Бурдина, ваша дочь (муж Ирины — актер и продюсер Олег Бурдин — Э.Л.). В одной из серий «Маросейка, 12» Маша играла дочь героя Дмитрия Харатьяна, причем в свои 9 лет держалась на редкость уверенно, так что можно было предположить, что она уже не первый раз снимается?

– Нет, это ее дебют, и я им очень горжусь, хотя страшно переживаю за Машку во время съемок. Но она молодец, не подвела ни на съемках, ни на озвучании. Возможно, сказываются актерские гены. Я тоже играла в студенческих еще спектаклях, когда ждала Машу.

– Ирина, если бы сейчас вам представилась невероятно счастливая возможность выбирать себе роль, которая кажется вам идеальной по отношению к самой себе, что бы вы назвали?

– Жанну д'Арк из «Жаворонка» Ануя. Или Эдит Пиаф, которую я играла в годы учебы в отрывке из пьесы о Пиаф. Говорят, хорошо было.

– Тянет в героику?

– Да, мне скучно играть некий средний уровень, бытовые проблемы. Мне интересны героини сильные, с яркой драматической судьбой, с экстремальными ситуациями. И я знаю, что могу это играть.

Беседовала Эльга ЛЫНДИНА